

ИДЕНТИЧНОСТЬ ИНДИВИДА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ*

B. M. Ерченко*

ORCID: 0009-0003-9231-3839

* Социологический институт РАН –
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

INDIVIDUAL'S IDENTITY IN THE CIVILIZATION PROCESS**

Vladislav M. Yerchenko*

* Sociological Institute of the Russian
Academy of Sciences Branch of the Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Цель исследования состоит в разработке
концепции идентичности индивида в рамках
цивилизационного анализа.

Методологическая база исследования ос-
нована на сравнительном анализе теорий
цивилизационного анализа, в частности
концепций идентичности, предложенных
Н. Элиасом (микроуровень), Ш. Н. Эйзен-
штадтом и Й. П. Арнасоном (макроуровень),
а также синтезе их подходов.

Результаты исследования. Разработана ин-
тегральная модель цивилизационной иден-
тичности индивида, сочетающая микро- и
макроуровни анализа. Идентичность опреде-
ляется как процесс взаимодействия индиви-
да с цивилизационной средой, через который
формируется связь личного «Я» с коллекти-
вным «Мы».

Objective of the study is to develop the concept
of individual identity within the framework of
civilizational analysis.

Methodological basis of the study is based
on a comparative analysis of theories of
civilizational analysis, in particular the concepts
of identity proposed by Norbert Elias (micro
level), Shmuel Noah Eisenstadt and Jóhann Páll
Arnason (macro level), as well as a synthesis of
their approaches.

Results of the study. An integrated model
of individual civilizational identity has been
developed, combining micro- and macro-level
analysis. Identity is defined as the process of
interaction between the individual and the
civilizational environment, through which
forms the connection between the personal “I”
and the collective “We”.

* Статья подготовлена в рамках проекта
РНФ № 23-18-01067 «Образы, концепты,
проекты и модели цивилизационного раз-
вития российского общества».

** The article was prepared within the frame-
work of the RSF project No. 23-18-01067 “Im-
ages, concepts, projects and models of civiliza-
tional development of Russian society”.

Перспективы исследования. Дальнейшее изучение цивилизационной идентичности в контексте локальных сообществ и «снизу-вверх» формируемых практик; интеграция конструктивистского и эссециалистского подходов; разработка эмпирических индикаторов для измерения цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: цивилизация, индивид, идентичность, цивилизационная идентичность, цивилизационные модели, символические структуры, Jóhann Páll Arnason, Shmuel Noah Eisenstadt, Norbert Elias

Prospects of the study. Further study of civilizational identity in the context of local communities and bottom-up practices; integration of constructivist and essentialist approaches; development of empirical indicators for measuring civilizational identity.

Keywords: civilization, individual, identity, civilizational identity, civilizational models, symbolic structures, Jóhann Páll Arnason, Shmuel Noah Eisenstadt, Norbert Elias

Введение

В масштабном макроисторическом исследовании нередко из виду упускается роль отдельных индивидов, во взаимодействии которых порождаются и воспроизводятся характеристики их цивилизационной принадлежности. Вопрос о месте и положении индивида в цивилизационном процессе направлен на осмысление механизмов самоопределения человека в ходе формирования социальных порядков, моделей идентичности и институциональных структур. В процессе ежедневных практик, символического конструирования реальности и специфической идентификации складываются конкретные цивилизационные структуры, закрепляемые в разнообразных общественных формах (Зиммель, 2015. С. 41).

Методы и методология

В рамках отдельных макротеорий цивилизационного анализа, к примеру подходы Тойнби или Хантингтона, понятие идентичности рассматривается в рамках макроструктур или больших сообществ. Однако при такой оптике индивид, как первичная социальная единица любого общества, как правило, отсутствует. В то же время в современном цивилизационном анализе предлагаются различные трактовки механизма формирования идентичности индивида, которые рассматриваются в настоящей статье.

Цель исследования состоит в разработке концепции идентичности индивида в рамках цивилизационного анализа. Для достижения этой цели проведен сравнительный анализ подходов классических теоретиков цивилизационного анализа Ш. Н. Эйзенштадта, Й. Арнасона и Н. Элиаса. Выбор этих авторов обусловлен тем, что каждый из них сформировал свою уникальную концепцию, в которой индивид не растворен в массе, а является самостоятельным актором или носителем определенной идентичности. Сопоставляя их взгляды, мы выявляем как общие черты, так и принципиальные различия

в понимании идентичности индивида. Концепция идентичности формулируется нами на основе синтеза теорий указанных основоположников современного цивилизационного анализа.

Отправной точкой в подходе Н. Т. Элиаса, который одним из первых обратился к данной проблеме, является отказ от противопоставления индивида и общества. Общество формирует индивида не просто как пассивного агента. Сам человек активно участвует в общественных процессах совместно с другими. Самостоятельно он не способен полностью понять масштаб и цель этих процессов (Элиас, 2001 а. С. 23–24, 45). В то же время общество существует не иначе как через взаимодействие индивидов. Личность – это функция общества, а общество – функция множества личностей, находящихся во взаимозависимости. Такой подход Элиас и называет «обществом индивидов», подчеркивая единство этих понятий. Иными словами, индивид неотделим от общества так же, как общество не может существовать без индивидов. Нет смысла изучать отдельного человека или всю группу в целом, однако есть смысл в исследовании отдельных структур, в рамках которых индивид существует. Элиас предлагает исследовать идентичность в рамках фигураций – подвижных сетей взаимоотношений между людьми. В рамках таких сетей формируются отношения между личностью и обществом, называемые идентичностью.

Элиас рассматривает цивилизацию как длительный исторический процесс трансформации общества и человеческого поведения. Он анализирует цивилизационный процесс в двух взаимосвязанных измерениях – социогенетическом и психогенетическом. Социология первой половины XX века, как правило, фокусируется на стремлении упорядочить исследование общества с помощью одного терминологического аппарата, который охватывал бы все сферы общества, из-за чего из поля зрения выпадали конкретные механизмы, способствующие этому формированию (Укрощение повседневности… 2020. С. 20). Элиас же стремился сформулировать такой тезаурус, который бы позволил увидеть механизмы, благодаря которым общество порождает эти трудноуловимые, продолжительные трансформации. Теория цивилизации – именно та модель, которая должна показать возможные связи между длительными изменениями в личностных структурах, в смысле консолидации и дифференциации контроля действий, и длительными изменениями в социальной структуре, в смысле высшего уровня дифференциации и интеграции (Козловский, 2000. С. 48). То есть описание длительных макроисторических процессов и их проявление на уровне прогресса развития поведения и структуры личности. Элиас выделяет три уровня, на которых разворачивается процесс цивилизации:

- 1) процесс образования государства;
- 2) процесс социоэкономического разделения функций;
- 3) процесс изменения поведения и психологической структуры личности (Козловский, 2000. С. 48).

Элиас подчеркивает, что «изменение поведения и мотиваций, называемое нами “цивилизацией”, теснейшим образом связано с усилившимся переплетением взаимосвязей людей и их растущей зависимостью друг от друга» (Козловский, 2000. С. 55). Иными словами, чем сложнее и теснее становятся социальные связи, тем больше меняются нормы поведения. По мере исторического развития люди все больше зависят друг от друга, что ведет к усложнению социальных структур и требует более упорядоченного поведения и более сложной организации собственной идентичности.

Понятие идентичности в теории Элиаса тесно связано с этой взаимосвязью между индивидуальным и коллективным началом. Он рассматривает идентичность как отношение между «Я» и «Мы», то есть она имеет два неразрывных полюса: индивидуальный (личное «я») и социальный (коллективное «мы»). «Эта идентичность представляет собой ответ на вопрос о том, кем является человек, причем и как социальное, и как индивидуальное существо», – отмечает Элиас (Элиас, 2001 а. С. 254–255). Иными словами, понять свою собственную идентичность – значит осознать, кем ты являешься одновременно в личном измерении и в контексте фигураций (семьи, класса, нации и т. д.), так как «фигурация обозначает не группы, но социальные модели процесса», в которых «действующие индивиды связаны переплетениями», взаимозависимостями, означающими, что «сеть переплетений дает фигурацию» (Козловский, 2000. С. 44). В концепции Элиаса невозможно изолировать личностную составляющую идентичности от групповой, поскольку не бывает полностью автономного индивида вне общества.

Элиасовский подход связывает воедино индивидуальное самосознание и коллективные образы, через которые группы осмысливают себя. Идентичность индивида в значительной степени является отражением групповой принадлежности: человек думает о себе не в вакууме, а как о члене определенного «мы». Индивидуальное «Я» формируется лишь во взаимодействии с другими людьми – в контексте семьи, класса, нации и т. д. Персональный «я-образ» неотделим от образа «мы»: индивид усваивает представление о своей группе и через него частично определяет себя. Таким образом, возникает формула: «нет “Я-идентичности” без “Мы-идентичности”». Люди смотрят на себя как бы со стороны, глазами других. Элиас указывает, что мы мысленно можем поставить себя на место окружающих: для самих себя мы выступаем не только в роли «Я» или «Мы», но так же, как «Ты», «Он», «Она» – то есть способны воспринимать собственную персону подобно тому, как ее воспринимали бы чужие. Эта рефлексивность означает, что «внешние образы» – представления о том, как «мы» выглядим со стороны для других – тоже становятся частью нашей идентичности. Личность включает в себя как самообраз в рамках своей группы, так и осознание внешних оценок и стереотипов относительно этой группы. В то же время индивид, посредством процесса интернализации,

подстраивает свое поведение под образ группы (или целого общества), пока оно не становится для него естественным, повседневным.

Элиас уделял особое внимание тому, как поддерживается и меняется идентичность индивидов и групп. Он исходил из идеи, что она воспроизводится через социальные практики и институты – в первую очередь, через ранее упомянутые процессы интернализации (Элиас, 2001 б. С. 38). Семья, школа, окружение выступают механизмами, транслирующими сложившиеся образцы поведения, ценности и «мы-образы» группы. Семья функционирует как посредник социальных норм: ребенок усваивает базовые поведенческие паттерны, выработанные в обществе. Фрейдовское понимание Сверх-Я, по Элиасу, по сути, представляет собой продукт всего общества, но семья интернализирует его в детях, внедряя в психику стандарты самоконтроля, принятые в данной культуре (Элиас, 2001 б. С. 34). В результате этого процесса коллективные идеалы превращаются в часть личности: помимо индивидуального «Я» у человека формируется и групповая идентичность – «идеал-Мы», входящая в структуру его личности. При этом динамика власти занимает в этой группе особое место. Согласно Элиасу, власть – это свойство фигурации социальных связей, которое делает людей взаимозависимыми множеством способов (Козловский, 2000. С. 46). Такая взаимозависимость способна расширить возможности той или иной группы (или отдельных лиц) и обеспечить ей доминирующее положение в обществе, позволяя влиять на других благодаря контролю над значимыми ресурсами. Следовательно, властные отношения между группами или классами опираются главным образом на широкую сеть фигурационных переплетений, а не только на обладание ресурсами или демонстративное проявление силы (Козловский, 2000. С. 46).

Общество непрерывно воспроизводит себя в индивидах. Обучая их языку, правилам поведения и символам культурной принадлежности, оно закрепляет базовые фигурации в сознании. Люди, в свою очередь, повторяют и адаптируют усвоенные формы, подстраивая их под изменяющиеся условия и заново конфигурируя собственную идентичность.

Теоретическая инновация Норберта Элиаса состоит в том, что он показал, что социальная жизнь – это постоянный процесс конфигурации людей в группы и иерархии, а идентичность формируется внутри подобных фигуративных «сплетений». Такой подход позволил анализировать становление идентичности сквозь призму сетей взаимозависимостей. Элиас одним из первых ввел в научный оборот понятие социального габитуса – устойчивого набора привычек и моделей поведения, формируемых обществом (Элиас, 2001 с. С. 105). Идентичность составляет ядро габитуса и несет «отпечаток» социальных структур, демонстрируя, как культурные формы «откладывают» в личности и определяют ее самоощущение как отдельного индивида и

как члена группы. Этот вклад впоследствии развили другие исследователи, концепция габитуса Пьера Бурдье во многом опирается на идеи Элиаса.

При всей своей инновационности подход Элиаса сталкивается с трудностями операционализации. Критики – в том числе Й. Дойндам, Д. Гордон и З. Базуман – отмечают его междисциплинарный синтез истории, социологии и психологии, благодаря чему стал возможен новый тип историко-социологического анализа. В книге «О процессе цивилизации» Элиас предвосхитил дискуссии 1970–1980-х годов о макро- и микроуровнях, пытаясь объединить их в единую концептуальную схему (Укращение повседневности... 2020. С. 16).

Однако размытость и абстрактность его категорий затрудняют их преобразование в конкретные эмпирические индикаторы: исследователю приходится разрабатывать специальные качественные меры. Личностная и групповая идентичности у Элиаса слиты в единый процесс. Это подчеркивает их неразрывность, но оставляет в тени внутреннюю структуру и многогранность индивидуальной идентичности. Кроме того, автор недооценивает культурное разнообразие, разные культуры развиваются по собственным траекториям, что требует более дифференцированного анализа.

Решением этой проблемы занялся Ш. Н. Эйзенштадт. Он рассматривает идентичность индивида в контексте масштабных цивилизационных перемен, связывая ее с трансформацией институциональных порядков, культурных традиций и моделей модернизации (Eisenstadt, 2003. Р. 89). В концепции «множественных модерностей» ученый подчеркивает, что модернизация не приводит к единой западной модели общества: разные цивилизациирабатывают собственные варианты современности. Отсюда и различия в параметрах индивидуальной идентичности – понимании «я», статусе личности, наборе базовых ценностей – которые зависят от исторических традиций и траекторий модернизационного развития каждой цивилизации.

По Эйзенштадту, становление модерного порядка началось с разрушения традиционных легитимаций власти и общественного устройства. Прежние основания идентичности – сословно-религиозные нормы и обычаи – потеряли безусловную силу, открыв пространство для нового видения социального порядка, формируемого сознательной человеческой деятельностью и секулярными принципами. В традиционных обществах отклонения от «общей линии идентичности» подавлялись как нелегитимные, тогда как модерность изменила ситуацию: индивид перестал быть лишь элементом космического или наследственного строя и стал носителем универсальных «видений». Участвуя в общественной жизни, он получил легитимный голос в определении общего блага и самого содержания этих универсалистских представлений.

Разрабатывая комплексный подход к коллективной идентичности, Эйзенштадт выделяет примордialные, гражданско-секулярные и универсалистские компоненты (Eisenstadt, 2000. Р. 6). Идентичность непрерывно

конструируется и реконструируется в историческом процессе. Даже самые «первичные» признаки – этничность, родовые традиции – неизменно перестраиваются под воздействием новых контекстов и межсоциальных сил. В модерном обществе эта «пересборка» происходит во взаимодействии с универсалистскими ориентациями: местные традиции вступают в диалог с надлокальными принципами – религиозными доктринаами, идеологиями и т. д. – претендующими на всеобщую значимость. Так формируется универсалистский компонент идентичности, задающий ценностную систему сообщества (будь то права человека или общественное благо), а гражданско-секулярный компонент определяет правила участия индивида в политической и общественной жизни. (Eisenstadt, 2003. P. 90).

Подход Эйзенштадта имеет ряд сильных сторон. Он показал, как идентичность формируется и реформируется под влиянием разнообразных культурно-институциональных программ, его идея множественных модерностей объединяет линейное представление о прогрессе с плюралистическим многообразием исторических траекторий. Коллективная идентичность описывается через устойчивые символические «коды» – родоплеменные, гражданские, универсальные – придающие смыслам эмоциональную силу и долговечность.

Однако при этом возникает ряд ограничений. Категории Эйзенштадта – «цивилизационные структуры», «символические коды», «модерны» – слишком расплывчаты и чрезмерно абстрактны (их границы и критерии выделения заданы нечетко), что затрудняет их перевод в наблюдаемые эмпирические индикаторы и применение к многофакторным локальным процессам на мезо- и микроуровне. Сосредоточенность на макросоциальных структурах порой оставляет в тени действия конкретных индивидуальных и групповых акторов. Кроме того, эта теория создавалась в эпоху «великой модернизации» и потому с меньшей объяснительной силой и чувствительностью к нюансам описывает современные «метамодерные» процессы – флюидные, децентрализованные идентичности и радикальный пересмотр цивилизационных границ. На что указывали критики Эйзенштадта, в частности В. Шмидт (Хвастунова, 2020. С. 61) и М. Кнёбль (Масловский, 2025. С. 11).

Й. Арнасоном идентичность определяется не как статичная *essentia*, присущая той или иной культуре, а как динамический комплекс представлений, практик и символов, через которые сообщество осмысливает себя и свое место в мире. Каждая цивилизация формирует собственную систему ценностей и институтов, а вместе с ней – особый тип социальной идентичности, объединяющий индивидов (Arnason, 2003. P. 60). Арнасон показывает, что любая цивилизация включает множество пересекающихся идентичностей – региональных, религиозных, классовых, этнических; поэтому ее границы всегда в той или иной степени условны и гибки. Он различает идеологическое употребление понятия идентичности и его аналитический смысл. Так, в новейшее

время распространились дискурсы о «государствах-цивилизациях» (Панкрайт и др., 2024. С. 238), апеллирующие к историческому наследию ради политической легитимации. Арнасон отмечает, что подобные идеологемы упрощают реальность, сводя ее к защите некоего неподвижного культурного ядра.

Цивилизационная идентичность по Арнасону представляет собой во многом воображенное сообщество большого масштаба, конструируемое через обращение к общему прошлому (Arnason, 2003. P. 37). Она реально влияет на ход истории, хотя и не существует изолированно от перемен и внешних воздействий. Такие широкие идентичности опираются на то, что Арнасон называет культурными ядрами цивилизаций: «цивилизационные образцы можно рассматривать как наиболее всеобъемлющие конфигурации интерпретационных предпосылок и институциональных принципов. Структуры идентичности, складывающиеся на этом уровне, оказываются непосредственно вписанными в предельные рамки смысла и значимого (Arnason, 2020. P. 37).

Развивая идеи Ш. Н. Эйзенштадта, Арнасон показывает, как «альтернативные» проекты модерности (например, коммунизм или восточноазиатский путь) влияют на формирование идентичности (Arnason, 2003. P. 99). В его исследованиях анализируются советская и японская модерности, где традиции и идеологии творчески пересматриваются для создания новых национальных образов. Это позволяет проследить, как пересечение культурных традиций и модернизационных процессов формирует конкретные «траектории идентичности» внутри разных цивилизаций. Однако его подход страдает от той же проблемы, что и макросоциология Эйзенштадта: многие ключевые категории трудно перевести в измеримые переменные. Поэтому концепцию Арнасона сложно применять прикладным образом, а эмпирически подтвердить принадлежность к большой группе, именуемой им «цивилизационной идентичностью», крайне затруднительно.

Результаты

Таким образом, три классика предлагают разные подходы к изучению идентичности, акцентируя внимание на различных ее уровнях. Элиас работает на микроуровне, рассматривая индивида как отправную точку любого цивилизационного процесса. Эйзенштадт и Арнасон, напротив, исходят из макроуровня, на котором складываются ключевые культурные констелляции, придающие социальной реальности смысл. Анализируя идентичность через призму межличностных взаимодействий, Элиас показывает, что цивилизация – это не абстрактное целое, а переплетение повседневных практик, норм взаимного контроля и балансов власти, возникающее в контактах людей и оформляющееся в более крупные культурные порядки. Его микроподход помогает решить проблему, с которой сталкивается макроанализ: когда мы «спускаемся с небес на землю» – переходим от макро- к микроуровню, – многие структуры, отчетливо различимые «в небе», оказываются трудноуловимыми «на земле».

Таблица 1

Сравнение подходов Н. Элиаса, Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона¹

<i>Классики цивилизационного анализа</i>	<i>Понятие идентичности</i>	<i>Сильные стороны</i>	<i>Слабые стороны</i>
Н. Элиас	Идентичность как отношение «Я – Мы», включающее социальное и индивидуальное измерения	Интегративный подход: соединяет психологические и социальные факторы. Понятие «фигурации» Элиаса – динамичные сети отношений, где «ячейками» являются люди	Не дает четкого описания механизмов формирования индивидуальной или групповой идентичности; абстрактность терминологии; недостаточный учет культурного разнообразия окружающего мира
Ш. Эйзенштадт	Акцент на коллективной идентичности: модернизационные и политические процессы формируют новые групповые идентичности (религиозные, национальные, гражданские и т.д.), которые «определяют самовосприятие» общества	Широкая сравнительная перспектива: историко-культурный анализ учета разных цивилизаций; концепция множественности модерна (разные пути модернизации)	Фокус на коллективных структурах (государстве, нации), мало описывает внутренний механизм формирования индивидуальной идентичности
Й. Арнасон	Идентичность как продукт цивилизационных и культурных проектов: исторически конструируется через символическое значимое предшествующие материальным институтам	Подчеркивает роль культуры, символов и нарративов. Сочетает локальные и глобальные перспективы,	Высокий уровень абстракции; множество комплексных понятий, трудно поддающихся эмпирической проверке; мало внимания конкретным аспектам формирования идентичности

¹ Источник: составлено автором.

Следуя В. В. Козловскому и Р. Г. Braslavskому, отметим, что среди немногочисленных теоретико-методологических рамок, пригодных для анализа национальных, региональных, локальных и глобальных социокультурных конфигураций динамично изменяющегося общества, концепция Ш. Эйзенштадта демонстрирует наибольшую объяснительную силу (Арнасон и др., 2024. С. 246). В этой перспективе исследование локальных цивилизаций фокусируется не на абстрактных «целых», а на конкретных связках элементов, которые поддерживают цивилизационный порядок внутри конкретных сообществ. Центральным понятием выступает «цивилизационный порядок общества», понимаемый как «сложившийся устойчивый корпус форм социальной организации и регулирования культуры, хозяйства и власти» (Арнасон и др., 2024. С. 245). Эмпирическая реконструкция такого порядка предполагает различие по меньшей мере трех взаимосвязанных измерений: социально-структурного, социокультурного и институционального. Индивид мыслится как относительно автономный актор, включенный в плотные сети связей, солидарностей и практик. Соответственно, общество описывается как совокупность подвижных сетей взаимодействия (семьи, группы, классы, государства и др.), внутри которых формируются устойчивые конфигурации ролей и норм. В этой логике сопоставляются идеи Н. Элиаса, Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона, по-разному раскрывающие понятие идентичности в цивилизационном процессе и интегрирующие указанные измерения в согласованную модель.

М. В. Масловский подчеркивает, что в современных западных исследованиях цивилизационной идентичности доминирует конструктивистский подход, который в основном ограничивается анализом элитарных дискурсов и игнорирует глубинное историко-культурное наследие цивилизации. При этом такого рода изучение неспособно уловить устойчивые культурные паттерны. В таком случае возникает очевидная необходимость синтеза: определить цивилизацию как сочетание активно воспроизводимых смыслов и устойчивых исторических основ. С одной стороны, нужно учитывать механизмы конструирования идентичности (дискурсы, ритуалы, символы), а с другой – признать, что «цивилизации не должны сводиться к их дискурсивному измерению, поскольку их культурное наследие оказывает структурное воздействие на социально-политические процессы» (Масловский, 2024. С. 15). Таким образом, Масловский предлагает рассматривать цивилизацию как явление двойного порядка – исторически сложившееся и одновременно постоянно рефлексируемое через дискурсы, что требует объединения конструктивистского и эссециалистского подходов.

Идентичность – это многомерное понятие, охватывающее самовосприятие индивида или группы, а также их связь с более широкими социальными общностями. При этом внутри любой цивилизации существует множество

пересекающихся идентичностей, потому границы цивилизационной общности всегда условны и гибки.

Цивилизационный потенциал территории формируется из совокупности различных видов и форм идентичности, которые служат его внутренним «каркасом» и определяют возможности дальнейшего развития. Социальная, территориальная, культурная, а также гражданская и политическая идентичность задают ключевые параметры жизнедеятельности общества. Разнообразие ресурсов, входящих в цивилизационный потенциал, включает человеческий, социальный, культурный, креативный, экономический, трудовой, промышленный, природный, инновационный и гражданский потенциалы, накопленные экономический, социальный, культурный и символический капиталы, ресурсы социоструктуры (возрастные когорты, поколения, этнические сообщества, диаспоры), природные богатства (ландшафт, недра, вода, леса), социотерриториальные характеристики (освоенность пространства, жилищно-транспортная инфраструктура), а также ресурсы целеполагания, коммуникации и социально-психологической мобилизации. Институционально цивилизационный комплекс складывается из нормативных порядков и эффективности ключевых структур – системы образования, церкви, бизнеса, негосударственных организаций. Его величина зависит от накопленных в прошлом ресурсов и стартовых возможностей (Козловский, 2024. С. 19). Все это формирует определенный образ реальности за счет соединения институциональных ресурсов, обеспечивающих жизнедеятельность сообщества и культурных конstellаций, обосновывающий такую конфигурацию. Таким образом, человек или группа, будучи частью этого комплекса, формируют определенную идентификацию себя с ним, проявляющуюся в отождествлении человека с цивилизационным комплексом конкретной территории. Эта форма идентичности, при которой человек соотносит себя в первую очередь с образом жизни, который формируется на территории, где он живет, а не с самой территорией как таковой. Итак, мы можем определить цивилизационную идентичность следующим образом:

Цивилизационная идентичность – это процесс, которым индивид соотносит себя с конкретной конфигурацией общественных институтов и их культурным обоснованием, а также с соответствующими фигурациями (семья, государство, власть) и габитусом (в понимании Н. Элиаса), внутри которых он живет и осмысляет мир. Такое определение решает одну из главных проблем, с которой мы сталкиваемся, когда стремимся осмыслить цивилизационную на локальном уровне с помощью определения из макроуровня (как, например, уже рассмотренное определение Й. Арнасона). При исследовании ее в таком спектре важными становятся не вопросы соотнесения себя с большим сообществом, а вопросы отождествления себя с тем цивилизационным пространством, в котором человек живет. Индивид ассоциирует себя с той

группой, которая также проживает ту же социальную реальность в широком масштабе. Границы цивилизационной идентичности, как и любые попытки ее классифицировать, всегда будут условны ввиду постоянной динамики развития цивилизационного комплекса, развивающего базовые институты, и внутрицивилизационной борьбы разных акторов, формирующих новые конstellации, которые наделяют окружающую реальность смыслом.

Эмпирические данные свидетельствуют, что «цивилизационная идентичность» в российском контексте преимущественно формируется «снизу», а не конструируется и транслируется «сверху» через дискурсы элит. Региональные исследования – например, исследование Н. И. Карбанинова (Карбанинов, 2021) о конструировании цивилизационных дискурсов элитами Республики Татарстан (Российское общество... 2021. С. 184) – показывают, что население почти не использует цивилизационный словарь политических элит и в большей степени опирается на региональную, этническую и национальную идентичность, нежели на отдаленную «идентификацию с тюркским миром». Сходные выводы дает исследование М. Блэкберна (Блэкберн, 2021), основанное на материале более 100 интервью: декларации о «российской исключительности», артикулируемые элитами, ограничены по охвату и не находят широкого резонанса в массовой аудитории (Масловский, 2024. С. 18). В результате нарратив о «государстве-цивилизации» обладает слабым мобилизационным потенциалом; как подчеркивает Масловский, «цивилизационные дискурсы находят сравнительно слабый отклик у населения различных российских регионов» (Масловский, 2024. С. 17–18). Следовательно, гражданская солидарность и самоидентификация возникают преимущественно из повседневных «низовых» практик, тогда как формальные цивилизационные установки «сверху» лишь дополняют, но не детерминируют соответствующие когнитивные и ценностные рамки.

Любой человек живет внутри конкретного цивилизационного комплекса, который очерчивает его возможные роли, ценности и способы видеть мир. Институциональные элементы (государство, экономика, право, образование и т. д.) задают рамки социальных позиций индивида – гражданина, верующего, профессионала. Культурно-символические компоненты (язык, религия, мифы, идеология) наполняют эти позиции содержанием и ценностями. Цивилизационная идентичность возникает на стыке институционального и символического слоев и связывает человека с тем пространством, в котором он живет.

Цивилизационный процесс (по Н. Элиасу) и модернизация (по Ш. Н. Эйзенштадту) ведут к смене доминирующих типов идентичности – от традиционно-коллективных к более индивидуализированным и идеологизированным формам. Современный индивид обладает большей рефлексивностью: он осознает разные аспекты своей идентичности и может критически к ним относиться. Как подчеркивает Й. П. Арнасон, это самоопределение осущест-

вляется не в пустоте, а в границах унаследованных культурных смыслов. При этом человек не пассивен: находясь в определенной среде, он может стремиться как изменить ее, так и перейти в другую.

Через организацию привычных фигураций – семьи, рабочего коллектива, группы друзей и т. п. – индивиды делают свою цивилизационную идентичность видимой и тем самым закрепляют определенные способы социального устройства. Идентичность, таким образом, – это процесс взаимного влияния человека и общества, в каждой модели цивилизационного развития складывается свой вариант идентичности, который логично встраивает индивида в соответствующий цивилизационный комплекс.

Сравнительный анализ подходов Н. Элиаса, Ш. Н. Эйзенштадта и Й. П. Арнасона продемонстрировал многоуровневый характер идентичности индивида. Идентичность формируется как на микросоциальном уровне (через повседневные взаимодействия, фигурации и габитус в смысле Элиаса), так и на макроцивилизационном уровне (через культурно-институциональные порядки и символические коды, подчеркнутые в теориях Эйзенштадта и Арнасона). Объединение этих перспектив позволило сформулировать интегральную теоретико-методологическую модель – условный «идеальный тип», с помощью которого раскрывается динамичная, многомерная природа идентичности индивида в рамках цивилизационного анализа. Эта концептуальная рамка проясняет сущность индивидуальной идентичности и ее структуру, преодолевая излишнюю абстрактность прежних подходов и задавая более четкие ориентиры для ее эмпирического изучения.

Заключение

Таким образом, идентичность оказывается процессом взаимного влияния человека и цивилизационной среды. Личность формируется внутри наследуемых культурных смыслов и институциональных порядков, но при этом активно участвует в их преобразовании. Именно через идентичность осуществляется включение индивида в цивилизационный контекст – она связывает личное «Я» с коллективным «Мы». Предложенная модель фактически «связывает» макросоциологический подход с повседневным опытом, углубляя понимание того, как индивидуальное и цивилизационное начала сопрягаются через призму идентичности.

Список источников

Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Г. Зиммель. – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 418 с. – ISBN 978-5-98712-502-1.

Козловский В. В. Фигуративная социология Норберта Элиаса / В. В. Козловский //

References

Simmel G. Selected Works. Problems of Sociology. Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ = Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 2015; 418 p. ISBN 978-5-98712-502-1. (In Russ.)

Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3, № 3. – С. 40–59. – EDN ONCGSB.

Козловский В. В. Идентичность в структуре цивилизационного потенциала российского региона / В. В. Козловский // Цивилизационный потенциал Российского региона: люди и перемены: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции: 6 декабря 2024 года / составитель В. И. Шаронов. – Калининград: Издательство «РА Полиграфыч», 2024. – С. 14–32.

Масловский М. В. Интерпретации российской цивилизационной идентичности в западной социальной науке / М. В. Масловский // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2024. – Т. 27, № 1. – С. 7–24. – DOI 10.31119/jssa.2024.27.1.1. – EDN BLLIZH.

Масловский М. В. Цивилизационный анализ, теории множественных модернов и модели глобализации / М. В. Масловский // Социологический журнал. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 9–24. – DOI 10.19181/socjour.2025.31.1.1. – EDN GNLQEC.

Панкратов С. А. Обеспечение безопасности России как государства-цивилизации: диалектика войны и мира в XXI веке / С. А. Панкратов, С. И. Морозов, Л. С. Панкратова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 231–244. – DOI 10.15688/jvolsu4.2024.3.19. – EDN JHXGBV.

Российское общество: архитектоника цивилизационного развития / Р. Г. Braslavskiy, B. V. Galindabaeva, N. I. Karbainov [и др.]. – Москва; Санкт-Петербург: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. – 340 с. – ISBN 978-5-89697-375-1. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.2021. – EDN RQBEMM.

Укрощение повседневности: нормы и практики Нового времени: [сборник статей] / составитель М. Неклюдова. – Москва: Новое литературное обозрение НЛО, 2020. – 493 с. – ISBN 978-5-4448-1260-0.

Kozlovsky V. V. Figurative Sociology of Norbert Elias. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2000; 3 (3): 40-59. (In Russ.)

Kozlovsky V. V. Identity in the Structure of the Civilization Potential of the Russian Region. Compiled by V. I. Sharonov. *Tsivilizatsionnyy potentsial Rossiyskogo regiona: lyudi i peremeny: materialy IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: 6 dekabrya 2024 goda. Sostavitel': V. I. Sharonov. Kaliningrad: Izdatel'stvo "RA Poligrafych" = Civilization Potential of the Russian Region: People and Changes: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference: December 6. 2024. Kaliningrad: RA Poligrafych Publishing House*. 2024: 14-32. (In Russ.)

Maslovsky M. V. Interpretations of Russian Civilizational Identity in Western Social Science. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2024; 27 (1): 7-24. DOI 10.31119/jssa.2024.27.1.1. (In Russ.)

Maslovsky M. V. Civilizational Analysis, Theories of Multiple Modernities, and Models of Globalization. *Sotsiologicheskiy zhurnal = Sociological Journal*. 2025; 31(1): 9-24. DOI 10.19181/socjour.2025.31.1.1. (In Russ.)

Pankratov S. A., Morozov S. I., Pankratova L. S. Ensuring the Security of Russia as a State-Civilization: The Dialectics of War and Peace in the 21st Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Iistoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. 2024; 29(3): 231-244. DOI 10.15688/jvolsu4.2024.3.19. (In Russ.)

Braslavsky R. G., Galindabaeva V. V., Karbainov N. I. et al. Russian Society: The Architeconics of Civilizational Development. *Moskva; Sankt-Peterburg: Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr Rossiyskoy akademii nauk = Moscow; Saint Petersburg: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences*. 2021; 340 p. ISBN 978-5-89697-375-1. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.2021. (In Russ.)

Хвастунова Ю. В. Постсекулярная культура в контексте теории множественной современности Ш. Эйзенштадта (с учетом влияния трансгуманизма) / Ю. В. Хвастунова // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 8 (100). – С. 60–64. – DOI 10.24158/fik.2022.8.9. – EDN FSKLGP.

Цивилизационное многообразие современного мира / Й. П. Арнасон, Р. Г. Braslavsky, Ю. В. Веселов [и др.]. – Москва, Санкт-Петербург: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2024. – 465 с. – ISBN 978-5-89697-439-0. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-439-0.2024. – EDN TFZVTH.

Элиас Н. Общество индивидов / Н. Элиас. – Москва: Практис, 2001а. – 336 с. – ISBN 5-901574-01-X.

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенет. и психогенет. исслед. / Норберт Элиас; Акад. исслед. культуры. – Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, Т. 1. 2001б. – 332 с. – ISBN 5-94483-011-5

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенет. и психогенет. исслед. / Норберт Элиас; Акад. исслед. культуры. – Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, Т. 2. 2001с. – 380 с. – ISBN 5-94483-008-5.

Arnason J. P. Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions / J. P. Arnason. – Boston: Brill, 2003.

Arnason J. P. The Labyrinth of Modernity / J. P. Arnason. – New York: Social Imaginaries, 2020. – 230 p.

Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt. – Boston: Brill, 2003.

Eisenstadt S. N. Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt // Daedalus. – 2000. – No. 1. – P. 1–29.

Taming Everyday Life: Norms and Practices of the New Age: collection of articles. Compiled by M. Neklyudova. *Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye NLO* Moscow: New Literary Review NLO. 2020; 493 p. ISBN 978-5-4448-1260-0. (In Russ.)

Khvastunova Yu. V. Post-secular Culture in the Context of Eisenstadt's Theory of Multiple Modernity (Taking into Account the Influence of Transhumanism). Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture. 2022; 8(100): 60-64. DOI 10.24158/fik.2022.8.9. (In Russ.)

Arnason J. P., Braslavsky R. G., Veselov Yu. V. et al. Civilizational Diversity of the Modern World. *Moskva, Sankt-Peterburg: Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr Rossiyskoy akademii nauk* = Moscow, St. Petersburg: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. 2024; 465 p. ISBN 978-5-89697-439-0. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-439-0.2024. (In Russ.)

Elias N. Society of Individuals. *Moskva: Praksis* = Moscow: Praxis. 2001a; 336 p. ISBN 5-901574-01-X (In Russ.)

Elias N. On the Civilization Process: Sociogenetic and Psychogenetic Research. Acad. of Culture Research. *Moskva. Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga* = Moscow. Saint Petersburg: University Book. Vol. 1. 2001b; 332 p. ISBN 5-94483-011-5 (In Russ.)

Elias N. On the Civilization Process: Sociogenetic and Psychogenetic Research. Acad. of Culture Research. *Moskva. Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga* = Moscow. Saint Petersburg: University Book. Vol. 2. 2001c; 380 p. ISBN 5-94483-008-5. (In Russ.)

Arnason J. P. Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions. Boston: Brill. 2003.

Arnason J. P. The Labyrinth of Modernity. New York: Social Imaginaries. 2020; 230 p.

Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Boston: Brill. 2003.

Eisenstadt S. N. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000; 1: 1-29.

Для цитирования: Ерченко В. М. Идентичность индивида в цивилизационном процессе // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 6 (76). – С. 108–123.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.6.8
EDN JKGMIL

История статьи:

Поступила в редакцию – 26.09.2025
Одобрена после рецензирования –
12.11.2025

Принята к публикации – 14.11.2025

Сведения об авторе

Ерченко Владислав Максимович
Аспирант, младший научный сотрудник
Социологического института РАН –
филиала ФНИСЦ РАН
SPIN-код: 3334-6521
AuthorID: 1170221
hanoryyu@gmail.com

Information about author

Vladislav M. Yerchenko
Postgraduate Student, Junior Researcher,
Sociological Institute of the Russian Academy
of Sciences – branch of the Federal
Research Center of Sociology
of the Russian Academy of Sciences
hanoryyu@gmail.com